

Научная статья

УДК 343.9

EDN YYWBRI

DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(4).340-351

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

М.В. Бавсун, Е.В. Стебенева

Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

13 июля 2023 г.

Дата принятия в печать

24 августа 2023 г.

Дата онлайн-размещения

18 сентября 2023 г.

Ключевые слова

Криминологическая трансформация;
личность преступника; преступность;
постиндустриальное общество;
идеология противодействия
преступности

Аннотация. В статье раскрываются особенности трансформации личности преступника с учетом современных реалий постиндустриального общества, прослеживается взаимосвязь между криминализацией личности и социальными предпосылками формирования преступной мотивации. Авторами отмечается, что существующая в обществе иерархия ценностей, сформированная в немалой доле на основе материально-извращенческой идеологии, личностно-эгоистичного отношения человека к социуму и его членам, привела к подмене духовных скреп, упадку нравственности и противопоставлению индивидами себя интересам общества. Следствием этого стали трансформация преступности, связанная с появлением новых форм ее проявлений, толерантное отношение к криминальным актам, повышение общественной опасности преступных деяний. В работе предпринята попытка осмысления сравнительно-временной трансформации нравственно-мотивационной сферы личности на основе негативно-позитивного подхода в оценке изменений поведения человека на фоне происходящих в обществе процессов. В то же время посредством проведенных собственных эмпирических исследований подтверждается факт изменения морально-нравственных ориентиров у различных категорий респондентов, включая осужденных, бывших осужденных, а также тех, кто по роду своей деятельности может попасть в одну из указанных групп. Трансформация общественных отношений, произошедшая в период проведения специальной военной операции, привела и к изменению сознания лиц, ранее осужденных за совершение общественно опасных деяний. Это уже само по себе является самостоятельным предметом изучения, требующим отдельного осмысления на уровне доктрины уголовного права и криминологии, что и было положено в основу данного исследования. Приведены факты позитивной трансформации личности осужденных, посвятивших впоследствии свою жизнь религиозному служению, или граждан, в частности сотрудников органов внутренних дел, пересмотревших свои взгляды, убеждения и мировоззрение в отношении коррупционных правонарушений, в том числе под воздействием антикоррупционного воспитания. В статье актуализирована необходимость разработки идеологической основы, целью которой является возврат в общество духовно-нравственных начал, построение иерархии ценностей каждого отдельного индивидуума без отрыва от общества, что будет играть роль специальной превенции. Отмечается востребованность в формировании единой идейной основы в противодействии преступности, декриминализации общества для обеспечения криминологической безопасности как на индивидуальном, так и на общесоциальном уровнях.

Original article

**TRANSFORMATION OF A CRIMINAL PERSONALITY
IN THE POST-INDUSTRIAL SOCIETY****Maksim V. Bavsun, Elena V. Stebeneva***Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, the Russian Federation***Article info**

Received

2023 July 13

Accepted

2023 August 24

Available online

2023 September 18

Keywords

Criminological transformation; criminal personality; crime; post-industrial society; ideology of crime counteraction

Abstract. The authors describe the specifics of the transformation of criminal personality while taking into consideration the modern realities of the post-industrial society, and trace the connection between the criminalization of a person and the social prerequisites of forming a criminal motivation. The authors note that the hierarchy of values in the society has been condirably influenced by a distorted material ideology, by self-interest and an egoistic attitude of a person to the community and its members, which resulted in the substitution of spiritual bonds, a deterioration of morality and the contraposition of the individual and the interests of the society. This lead to the transformation of crimes and the emergence their new forms, a tolerance to criminal acts, and the increased public danger of criminal acts. The authors attempt to analyze the comparative-temporal transformation of the moral-motivational sphere of personality on the basis of a negative-positive approach to assessing the changes in personal behavior against the background of social processes. At the same time, the authors' empirical research proves the shift in the moral-ethical codes for different categories of respondents, including convicts and ex-convicts as well as those who, due to their activities, may fall within one of these categories. The transformation of public relations that happened during the special military operation lead to changes in the conscience of persons previously convicted for committing publicly dangerous acts. This in itself is a subject of research that requires understanding on the level of criminal law doctrine and criminology, and became the basis of the current research. The authors present examples of positive personal transformations of ex-convicts who later devoted their lives to religious service, or persons, specifically law enforcement officers, who reconsidered their views, convictions and attitude to crimes of corruption under the influence, among other things, of anti-corruption education. The article proves the need for developing an ideological basis with the goal of returning spiritual and moral fundamentals to the society, building the hierarchy of values of each individual without separation from the society, which will act as special prevention. The authors note a demand for forming a unified ideological basis in crime counteraction, and for the de-criminalization of society in order to ensure criminological security at both the individual and the general social levels.

Люди хотят оставаться такими плохими,
какие были, и хотят, чтобы вся жизнь
в то же время была лучше.
Л.Н. Толстой. Путь жизни

Личность преступника, также как и сама преступность, а в особенности ее структура, являются ни чем иным, как продуктом того общества, в котором они находятся в определенный временной отрезок. И в этом отношении именно личность оказывается в роли основного индикатора, позволяющего оценить глубину потрясений, которые затронули всю криминальную сферу, и понять причину многих процессов, способствующих любой трансформации в данном направлении. Известно, что постмодерн явление весьма условное, не имеющее четких границ и определений. Вместе с тем современ-

ными идеологами достаточно четко сформулированы его основные идеи, связанные главным образом с принципиальным отрицанием прежних ценностей и заполнением освободившихся нишей ценностями нового порядка, как правило в прежней модели общества относящихся к категории девиаций. Вполне естественно, что при реализации такого подхода в первую очередь оказывается воздействие на психику человека, что в равной степени относится и к тому, кто совершает преступление. Без такого воздействия невозможна смена парадигмы развития общества и постановка перед ним новых целей, которые зачастую идут в разрез с предыдущими.

Тотальная трансформация иерархии ценностей, свершившаяся на Западе в последней четверти XX столетия и продолжающаяся до сих пор, наряду с аналогичными процессами,

случившимися (хотя и с некоторой задержкой и меньшей глубиной) в России, уже давно дала свои результаты в плане качества человеческого материала (особенно его духовной составляющей). При этом перерождение личности преступника в криминологическом ракурсе в таких условиях проходило в нескольких направлениях, в конечном итоге обеспечив появление принципиально новых видов преступных психотипов, изменивших и структуру преступности.

Основной задачей апологетов нового мира заключалась и продолжает заключаться в абсолютизации прав человека и определении личности в качестве основного блага [1]. Реализация данной идеи сегодня наблюдается на всех уровнях, включая законодательный. Шкала ценностей, во главе которой находится личность, начиная с Конституции Российской Федерации и заканчивая федеральным законодательством (в том числе и Уголовным кодексом РФ) глубоко укоренилась в сознании общества и человека. Парадоксом такого представления сегодня является гипертрофированное видение отдельного индивидуума своей роли в обществе и государстве. Преувеличение этой роли привело к неожиданному результату, суть которого сводится к неадекватному восприятию собственной значимости в происходящих процессах и определении себя как некоего субъекта правоотношения, без которого не должны совершаться многие процессы, очевидно выгодные, значимые и совершенно необходимые для государства в условиях складывающейся обстановки в определенный временной промежуток. Яркий пример такой неадекватной реакции — поведение российских граждан, не принявших политику государства в части проведения специальной военной операции на Украине. Формально такое поведение пока имеет непреступный характер, тем не менее сам факт его наличия относится к числу проявлений именно того подхода к собственной личности, который типичен для постмодерна, отрицающего ценности государства (и само государство) как таковые.

Личностно-эгоистические представления как норма, отрицание принесения в жертву собственных интересов ради общества и государства, а также самого себя ради общего блага сегодня выступают в роли многих процессов, включая и ранее отмеченные. Если брать их криминальную составляющую, то блок преступлений, которые стали продуктом именно такого личностного восприятия себя отдельно

взятым человеком в противовес обществу, отзывается во всем уголовном законе, так как криминальное поведение, выступая в роли провоцирующего фактора для каждого из деяний, закрепленного законодателем как общественно опасного, находит свое непосредственное отражение. Осознание своей особи и исключительности выступает одним из детерминантов не только криминального поведения, но и является производной для других происходящих в обществе негативных процессов (нетерпимость к другим религиям и культурам, неуважение к пожилым и инвалидам и т.п.).

Во многом это стало возможным именно за счет реализации идей постмодерна, в результате чего произошла подмена духовных скрепов. Формальное определение иерархии ценностей на уровне законодательства лишь легитимизировало такую подмену, но есть и крайне важные отрицательные результаты собственно самой замены, проявления которых мы воочию наблюдаем уже непосредственно в отдельных группах преступных проявлений, в конечном итоге трансформировавших всю структуру преступности. Итогом данной части работы с психикой человека является доминирование материально-извращенческой идеологии (общество потребления в мягком выражении).

Проявление особого внимания к целям денежного успеха и материального процветания привело к тому, что главной заботой стал технический и социальный инструмент, предназначенный для получения желаемых корыстных результатов [2, с. 17], где смыслом жизни стала реализация низменных побуждений, помноженная на полное отсутствие учета интересов других лиц, включая и самих потерпевших. Итогом стало исчезновение таких качеств, как жалость, стыд, совесть, стремление к оправданию в глазах общества и людей (хотя бы близких виновному).

Интерес в этом плане представляет собой исследование, проведенное в советское время относительно отношения лиц, признанных виновными в совершении насильственных преступлений против личности и уже осужденных к лишению свободы. По данным анкетирования, проведенного в начале 1980-х гг., 93 % опрошенных убийц и насильников указали, что они действовали под влиянием ситуации, которая носила провоцирующий характер, и если бы такой ситуации не было, то они никогда не совершили бы преступление. При этом около 87 %

убийц оценили поведение самого потерпевшего как аморальное и противоправное, что и стало причиной совершенного преступления. Пятая часть анкетированных причиной совершения преступления называют состояние опьянения. Тон высказываний свидетельствует о стремлении оградить себя от морального осуждения и обвинения («ничего не помню», «не ведал, что делал»). Встречались ссылки на благородные побуждения («помочь товарищу», «восстановить справедливость»). Преступники всех категорий прибегали к оправданию своих действий в форме пространных, абстрактных, философских рассуждений о чести, достоинстве, долге, справедливости. Суть их сводилась к стремлению осужденных найти причины своего противоправного поведения вовне и фундаментально их обосновать. И лишь единицы указали в качестве причины совершения преступления собственные недостатки и допущенную непредусмотрительность [3].

Несколько иные данные были получены в ходе аналогичного исследования, проведенного спустя практически 30 лет, в 2011–2012 гг. Так, по итогам анкетирования в местах лишения свободы (Омск и Омская область), 200 осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы, был задан вопрос, направленный на выяснение их отношения к тому преступлению, которое они совершили. В итоге были получены интересные результаты, согласно которым 169 респондентов (84,5 %) не только не отрицали того, что они действительно совершили преступление, но и относились к нему, как к вполне нормальному деянию, вызывающему не чувство раскаяния, а гордость за содеянное. Еще 21 чел. (10,5 %) отнеслись к своему деянию безразлично, оставшиеся 10 осужденных (5 %) указали, что им стыдно перед потерпевшим, его родственниками и перед людьми в целом за то, что они сделали [4]. В одних случаях безразличие, а в других гордость за содеянное легли в основу доминирующей модели поведения лиц, признанных виновными в совершении преступлений.

Приведенные результаты исследований могут служить наглядным примером усугубляющейся криминальной деградации восприятия преступника как самого себя, так и оценки своих действий и последствий преступного деяния. Оправдание себя, принятие как нормы преступления, равнодушие к страданиям потерпевших и к размерам вреда, причиненного обществу, усиливает убеждение в растущем эгоизме,

а порой гипертрофированном превознесении личности себя над обществом не только в среде преступников, но и в социуме в целом, так как преступность не что иное, как его порождение.

Разница в подходах к совершенному деянию свидетельствует об утрате со временем обязательных для всех слоев социума ориентиров, изменении системы ценностей, что и стало основной причиной не просто возросшей общественной опасности преступности, но ее трансформации в сторону в определенных направлениях. Именно указанные процессы, а не ослабление уголовной репрессии исполнили роль основного фактора, спровоцировавшего рост общественно опасного поведения и, что самое главное, отсутствие его осуждения на должном уровне со стороны общества. На фоне ничем необоснованного преувеличения личности как субъекта правоотношений, в основном сводящееся к идее долженствования государства перед человеком, порог прохождения преступного существенно снизился, а цена совершаемого преступления пропорционально этому уменьшилась. Собственно, криминологическая трансформация личности преступника на основе целенаправленной смены парадигмы развития общества оказалась очевидной, уверенно при этом объясняющей и состояние преступности, и ее структуру, и все ее остальные показатели, достаточно жестко коррелирующие с произошедшей подменой статуса личности в обществе.

Подмена ценностей оказалась «эффективной» во всех отраслях, включая и криминальную. При этом государство активно пытается защищаться от преступлений, причинами роста которых являются именно изменения, произошедшие в сознании людей, в системе их жизненных приоритетов и ценностей. В частности, это посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних и малолетних, преступления в отношении интересов семьи и несовершеннолетних, против основ конституционного строя и безопасности государства, мира и безопасности человечества, общественной нравственности, против экономической безопасности и многих других общественно опасных деяний, ставших прямым следствием произошедшей трансформации в психологии человека, в конечном итоге позволившим встать ему на путь нарушения закона [5].

Таким образом, криминологическая трансформация за время внедрения в общество идей

постмодерна прошла путь от идеологии противодействия преступности к идеологии преступника, способной обосновать любые формы девиаций, включая и их крайние проявления. При этом личность преступника, оказавшись под мощным влиянием новых идей, ценностей и постулатов оказалась во власти ложных представлений, лишенных духовных начал, в том числе и религиозного происхождения.

Сформировавшийся с течением времени тренд способен сохранять свою инерцию до той поры, пока в основу нового подхода не будут заведены именно идеологические основы, имеющие своей целью вернуть в общество духовно-нравственные начала, а иерархия ценностей каждого в отдельности индивидуума не станет объективной, способной выполнить роль специальной превенции. В свою очередь отсутствие успехов в данном направлении может привести к дальнейшей трансформации преступности именно в зависимости от тех изменений, которые происходят в характеристиках личности преступника, оказывающих основное влияние как на саму решимость совершить преступление, так и на вид преступного посягательства.

Данное представление о происходящих изменениях, безусловно, носит пессимистический характер, не оставляя никаких шансов на позитивный исход в деятельности, направленной на побуждение положительных мотивов у лица, совершающего преступление. В то же время оценка происходящей трансформации не может быть охарактеризована исключительно с отрицательных позиций. Как и у любого другого процесса у нее есть своя оборотная сторона, которую сложно отнести к однозначно негативным или даже проблемным аспектам. Скорее наоборот, говоря о криминологической трансформации личности преступника в современном обществе (в обществе постмодерна, в постиндустриальном обществе и/или как-то по-другому), переживает и свои относительно позитивные моменты. Полагаем, что принятие откровенно пессимистической позиции в рассматриваемом нами вопросе неверно, а современные преступники, наряду с имеющимися отрицательными аспектами, отмеченными выше, также (и во многом совершенно неожиданно) приобрели многие положительные моменты.

Яркий, но далеко не единственный тому пример — ЧВК «Вагнер», появление которой изначально не связано с идеей использования в ее работе ранее судимых лиц, а уж тем

более, находящихся в местах лишения свободы¹. Тем не менее трансформация структуры данного подразделения за счет изменившегося подхода к комплектованию в период проведения специальной военной операции на Украине, во многом стала возможной за счет использования «правильных» мотивов у осужденных. Их позитивные качества, отношение к родине, семье, отрицание нацизма, а, соответственно, память о своих предках, воевавших в Великую Отечественную войну, подвиг народа, который имеет место быть в душе каждого нормального человека, сыграли немаловажную роль и в данном конкретном случае. Смешение именно позитивных качеств индивидуально в каждом, кто был признан виновным в совершении преступления, есть тоже продукт трансформации, правда не имеющей отношения ни к обществу постмодерна, ни к постиндустриальному обществу, ни к одному из производных от них явлений. Скорее необходимо вести речь о работе государства на идеологической ниве (обратном процессе), позволяющей, как бы это парадоксально не звучало, сохранять патриотические качества, в том числе и у виновных в совершении преступлений. И это есть не просто проявление позитивных качеств у данной категории лиц, а позитивная трансформация развития самого общества, в котором осужденные государством лица готовы идти его защищать².

Можно говорить о трансформации интересов государства и его отношения к личности преступника не только как к объекту уголовной политики, но и как к важному средству обе-

¹ Что характерно, речь идет об участии лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. И участие это носит исключительно добровольный характер, зачастую имея под собой идеологический фон (помимо материального стимулирования и нежелания дальнейшего отбывания наказания). Многие из согласившихся участвовать в специальной военной операции на Украине были мотивированы желанием искупить вину, считали назначенное им наказание несправедливым и не желали с ним мириться, шли защищать Родину, а также имели иные, помимо материальных аспектов, факторы, побудившие их к принятию такого решения.

² Проблема в данном случае заключается в том, что остальное общество зачастую не готово защищать свое государство. Получив от него все в буквальном смысле этого слова (образование, медицинское обслуживание, пенсию, иные льготы и услуги), значительная часть наших граждан скрывается от мобилизации, или просто выражает протест (как активно, так и посредством саботажа) позиции власти, покинув страну, таким образом не желая оказывать ей помощь.

спечения национальных интересов. Таким образом, это обоюдный процесс изменяющегося отношения друг к другу в зависимости от происходящих изменений и даже отдельно взятых явлений.

Что характерно, история знает примеры подобного рода, подтверждая наш вывод о возможной позитивной трансформации лиц, признанных виновными в совершении преступлений. Одним из таких примеров в отечественной истории являются военные арестантские роты инженерного ведомства Российской империи, учрежденные как вид уголовного наказания в 1823 г. и участвующие в обороне Севастополя в 1854–1855 гг. [6]. Это, безусловно, и так называемые штрафные батальоны, создаваемые в период Второй мировой войны, участие в которых, лишь по ошибочному представлению, было исключительно на принудительной основе³. Наличие позитивных качеств среди лиц, отбывающих наказание, не является чем-то исключительным и сейчас. В то же время, если мы ведем речь о современном периоде, то сама постановка вопроса именно о трансформации личности преступника имеет место быть. Данное обстоятельство обусловлено несколькими факторами, среди которых присутствуют и особенности развития современного общества, и временной отрезок, который прошел между указанными событиями и сегодняшним днем, и тем культурно-идеологическим наполнением, которое видоизменилось за последние несколько десятилетий, и многими другими факторами.

Важна именно сама трансформация в условиях современных реалий и возможность ее подтверждения объективными данными, которые получить в рамках приведенного примера, к сожалению, и на данный момент практически невозможно, выводя все рассуждения по этому поводу на уровень предположений, основанных на самом факте участия осужденных (или высказанных ими согласий) в специальной военной операции. Хотя, некоторые не подтвержденные данные по этому поводу можно найти. Так, в Интернете сегодня можно найти довольно любопытную информацию, согласно которой в настоящий момент закончили контракт с ЧВК «Вагнер» и вышли на свободу по помилованию больше 5 тыс. заключенных. Процент лиц, совершивших повторные преступления в течение месяца, – 0,31. Это в

³ См.: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Штрафные_воинские_подразделения.

10–20 раз меньше, чем стандартные показатели до СВО. При этом значительная часть совершенных после помилования преступлений связана с травмами, которые наносят бывшие заключенные противникам специальной военной операции и людям, поддерживающим так называемый «киевский режим»⁴, т.е. патриотический мотив доминировал даже уже в совершенных преступлениях после возвращения из зоны проведения специальной военной операции, что, конечно, может говорить как о посттравматическом стрессовом расстройстве, так и о трансформации личности, ее восприятия и оценки произошедших событий при участии в военных действиях. Трансформация как феномен коренится в самом основании бытия личности [7, с. 6], осознание которого претерпевает изменения под воздействием стрессовых (шоковых) ситуаций, каковым несомненно явилась специальная военная операция. Экстремальность бытия, особенно в современном обществе, приводит к преобразованиям, преобразованию личности не только с негативным уклоном, но и с позитивным, проявляющимся в стабильном росте через страдания, лишения («страдание — стойкость — рост») [там же, с. 42], доказательством чего служит значительно небольшой процент совершения преступлений лицами, бывшими заключенными, возвратившимися из зоны боевых действий⁵.

Допускаем, что указанный пример с ЧВК «Вагнер» может вызвать много дискуссий об истинности благих намерений заключенных и подлинности патриотической основы их участия в специальной военной операции. Однако при сложившихся обстоятельствах государство намеренно обращается к положительным чертам личности в угоду национальным интересам, что своего рода манипуляция по использованию личной заинтересованности в общественных целях. Но отношения на основе удовлетворения

⁴ См. Названо количество отслуживших в ЧВК «Вагнер» и помилованных заключенных. URL: <https://lenta.ru/news/2023/03/25/vagner>.

⁵ Полагаем, что ситуация с ЧВК «Вагнер» несколько не меняется даже с учетом событий, произошедших 23–25 июня 2023 г., когда случился мятеж. Дело в том, что и его последующее обоснование лежало в патриотической плоскости, не имея, по утверждению его организаторов, цели захвата власти, представляя собой не что иное, как «марш справедливости». См.: Мятеж в России: Пригожин объяснил свои цели. URL: <https://tengrinews.kz/russia/myatej-v-rossii-prigojin-obyyasnil-svoi-tseli-503280>.

взаимных потребностей неизбежны как в общении отдельных индивидов, так и между государством, обществом и личностью, что приводит к взаимной выгоде. Ведь одной из характеристик постиндустриального этапа развития общества выступает расширяющаяся сфера услуг, формирующая идеологию производственно-потребительских отношений, а указанный пример не что иное, как взаимообмен участников общественных отношений.

Проведение специальной военной операции стало своеобразным индикатором проявления всеобщего патриотизма, отношение к проявлениям которого не совсем однозначно. Согласно исследованиям ВЦИОМ, не смотря на то, что большинство граждан страны поддерживают решение России провести специальную военную операцию на Украине (68 % из 1 600 опрошенных)⁶, в ходе опроса «Патриотизм: мониторинг» из аналогичного количества опрошенных граждан всего 9 % ответили, что они понимают под любовью к своей Родине готовность защищать свою страну⁷. Поэтому обращение к осужденным как ресурсу, способному обеспечить национальные интересы, оправдано, так как единой (или в преобладающем большинстве) готовности участия в военных действиях среди граждан нет, и денежное, социальное стимулирование не всегда способно повысить ее. Вызывает тревогу, что люди молодого возраста, которые непосредственно и должны бы являться человеческим ресурсом для обеспечения специальной военной операции достаточно сдержанны, а порой равнодушны к проводимой политике страны в данном направлении. Среди молодежи тех, кто не интересуется происходящим, не поддерживает российские вооруженные силы и предпочитает боевым действиям мирные переговоры, больше, чем среди людей от 40 лет и старше [8].

Более того, приведенный пример позитивной трансформации личности преступника может быть и является наиболее фактурным, но он далеко не единственный в своем роде. В частности, интерес в этом отношении пред-

ставляют хотя и более частные, и обычно не имеющие столь яркой (или вообще какой-либо) огласки случаи. Речь идет о трансформации личности, тех кто был признан виновным в совершении преступления, осужден, но впоследствии, понеся наказание в рамках уголовного закона, принял на себя духовное раскаяние, что тоже подразумевает работу над собой, порой дающуюся более тяжело, чем физическая изоляция от общества в качестве исправления за содеянное [9]. Здесь даже правильнее вести речь не столько о сдвигах в мировоззрении личности, произошедших на основе религии, не просто о ее принятии, а скорее о возведении в жизненный смысл и осознанное служение Богу уже непосредственно в церковной системе через принятие на себя добровольно духовных обязательств. И здесь важным видится тот факт, что такое осознание приходит не только через раскаяние в связи с ранее совершенным преступлением и стремлением хотя бы как-то компенсировать причиненный вред, спасти душу, помочь ближнему, но и как это не парадоксально через непринятие для многих относительно нового (постиндустриального) мира, его динамики, жесткости, противоречивости, неопределенности и лживости, построенном на отрицании базовых ценностей и возвышении их прямых антиподов, способствующих, с одной стороны, отторжению, а с другой — целенаправленному поиску альтернативы. В сочетании с раскаянием, непринятие дает требуемый эффект в виде той самой трансформации качеств личности, обеспечивая не просто стойкость исправления (что, скорее, является следствием происходящего, а не его целью), а глубинность процессов, происходящих в душе человека, что, собственно, и позволяет вообще говорить именно о фундаментальности таких изменений, о трансформации навсегда, а не о ее временных проявлениях.

В то же время нельзя не отметить, что трансформация общества не может быть автономной, а изменения в одной сфере влекут обязательно сдвиги, перемены в других. Формирование современной идеологии государства, находящей отклик в личности правопослушных граждан, неминуемо способствует ранней превенции преступлений. Примером позитивной личностной трансформации может служить проведенное сравнительное исследование на примере факторов, способствующих коррупционным преступлениям, совершаемым уже дру-

⁶ Специальная военная операция: год спустя : аналитический обзор от 20 февраля 2023 г. // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-god-spustja>.

⁷ Патриотизм: мониторинг : аналитический обзор от 11 апр. 2023 г., социологического опроса от 28 марта 2023 г. // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring>.

гой категорией граждан — сотрудниками органов внутренних дел. Анализ трансформации их отношения к проявлениям коррупционного поведения крайне показателен, так как ежегодно, согласно статистическим данным, наиболее чаще общественно опасные деяния указанного вида в правоохранительных органах совершают именно должностные лица МВД России.

Так, согласно проведенному в 2009–2010 гг. анкетированию 100 сотрудников различных практических подразделений органов внутренних дел и 100 курсантов, слушателей четвертых-пятых курсов Санкт-Петербургского университета МВД России (прошедших практику в территориальных подразделениях органов внутренних дел), на вопрос: «Если бы Вы узнали о факте взяточничества, злоупотребления служебным положением, о факте незаконного использования должностного положения, в целях получения выгоды в различных ее видах со стороны своего коллеги, как бы Вы отнеслись к этому?» преобладающее большинство ответили, что остались бы равнодушны к данному факту (56 % сотрудников практических подразделений, 41 % курсантов, слушателей) [10, с. 138].

Аналогичное анкетирование с подобной выборкой респондентов было проведено повторно уже в 2023 г., в ходе которого на идентичный вопрос преобладающее большинство опрошенных ответили, что обязательно сообщили бы о факте коррупции руководству либо в соответствующее подразделение, занимающееся рассмотрением сообщений по данным фактам (47 % сотрудников практических подразделений, 44 % курсантов, слушателей), тогда как в первоначальном исследовании данные показатели по указанному ранее варианту ответа были значительно ниже и составили порядка 12 и 15 % соответственно⁸.

Наглядно продемонстрировав изменение отношения к коррупционным фактам на примере проведенного исследования за 13-летний период, смеем предположить и, возможно, констатировать качественные позитивные тенденции в формировании антикоррупционного мировоззрения и привития негативного отношения к коррупции, чему немало способствовала активная антикоррупционная политика,

начавшаяся в указанный период. Объяснение этому может служить принятие в 2008 г. Федерального закона «О противодействии коррупции» № 273-ФЗ, положившего начало активной фазе данного направления в государственной политике; введение в образовательных организациях МВД России с 2011 г. по всем специальностям (направлениям) подготовки учебных дисциплин, направленных на привитие знаний по предупреждению коррупции и обучению навыкам антикоррупционного стандарта поведения, что бесспорно оказало влияние на трансформацию личности сотрудников органов внутренних дел и внесло вклад в формирование антикоррупционной идеологии.

Нейтрализуя или хотя бы снижая негативное влияние криминогенных факторов, если применительно к нашему примеру, то это равнодушное отношение к случаям коррупции, тем самым повышается эффективность ранней профилактики именно на индивидуальном уровне. Посредством идеологически верного базиса личностного мировоззрения, меняется не мотивация, а отношение к самой возможности совершения преступления, а с его помощью к реализации мотива и удовлетворения потребности, сформировавшего его, и пресечение данной возможности со стороны других (условно говоря, формируя «моральный фильтр», основанный на самоконтроле [11], создавая определенную позитивную картину мира и соответствующие представления о правовом порядке [12]). Иными словами, сам факт совершения преступления (в том числе и коррупционной направленности) становится для субъекта правоотношения ненормальным, выходящим за пределы его мировоззрения.

Примечательно, что и в первоначальном исследовании, и в анкетировании, проведенном в 2023 г., среди факторов, влияющих на совершение коррупционных деяний сотрудниками органов внутренних дел, преобладающее большинство респондентов отметило низкий уровень жизни сотрудников и членов их семей: низкую заработную плату, недостаточное обеспечение жильем, низкую социальную защищенность и т.п. (48 % сотрудников практических подразделений, 45 % курсантов, слушателей). Этот ожидаемый результат обусловлен тем, что коррупционные преступления являются корыстным видом деяний и мотив совершения неизменен, тяжело поддается временной трансформации и тесно связан с

⁸ Анкетирование проводилось в мае – июле 2023 г. среди сотрудников органов внутренних дел на территории г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, а также курсантов, слушателей Санкт-Петербургского университета МВД России.

удовлетворением материальной потребности, не поддающейся искоренению. А вот способ реализации корыстного мотива достаточно интенсивно трансформируется, подстраивается под современные реалии (реализуется в достижении криминального успеха [13, с. 144]), что мы можем проследить, анализируя уже современную судебную практику.

В сравнении с предыдущими десятилетиями, все чаще предметом, например, взятки, выступают цифровая валюта, биткоины, ценные бумаги, различные виды карт (подарочных, бонусных и т.п.); злоупотребление служебным положением осуществляется путем использования в личных целях информации из баз данных; совершение служебного подлога путем электронных подписей и т.п., да и способы сокрытия преступного коррупционного деяния также разнообразны и постоянно совершенствуются преступниками. Поэтому смеем прогнозировать, предвосхищая зарождающиеся новые тенденции в коррупционной сфере, на совершение деяний указанного вида окажет влияние повсеместная цифровизация; распространение сокрытия незаконных доходов через легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, через совершение «теневых» финансовых операций, применение криптовалютных миксеров, искусственного интеллекта, что повысит вероятность избежания виновным ответственности и т.п. Изучение закономерностей трансформации в преступной сфере способствует разработке прогнозных сценариев развития в дальнейшем и правовых норм [14].

Уголовная политика обладает криминологической обусловленностью и антикриминальная деятельность государства имеет прямую зависимость от тенденций преступности [15, с. 27]. В свою очередь криминологическая трансформация личности преступника тесно связана с преобразованиями в социуме и преступное поведение является обратной реакцией индивида на общественные изменения. Трансформация влечет изменение архитектуры, правил и принципов общественного устройства как отдельной страны, так и мирового порядка в целом⁹, и личность правопослушного гражданина или преступника так или иначе

реагирует на результаты и глубину изменений, затрагивающих его, что предопределяет высокую востребованность в единой государственной идеологии, обеспечивающей криминологическую безопасность.

Между тем проведенные эмпирические исследования в различные периоды развития нашего общества подтвердили не просто сам факт трансформации, что вполне естественно, а его совершенно разнонаправленный и практически неуправляемый характер. Данный вывод следует при анализе нескольких категорий респондентов: от реальных преступников до тех, кто потенциально может войти в их число. Анализ показал неочевидную картину отношения как к совершенному деянию, так и к потенциально возможному поведению, опять же различных категорий опрошенных. Разброс категорий участников исследования, вопросов им задаваемых, временных промежутков между опросами, высказанными мнениями и другими показателями, позволяет сделать заключение о совершенно хаотичном развитии личностных характеристик респондентов.

Полагаем, что подобное стало возможным в связи с причинами общесоциального характера, во многом обусловленными отсутствием в обществе идеологии как системообразующего начала, позволяющего определить основной вектор его развития. Безжалостная критика данной категории в начале 90-х гг. прошлого столетия, строящаяся на ее неизбежной тоталитарности и безальтернативности, привела к обратному эффекту в виде неопределенности, безыдейности, отсутствия веры в необходимые для каждого человека идеалы, задающие основные направления общественного развития. Логичность, полученных результатов в такой ситуации не вызывает каких-либо сомнений. Их разнонаправленность в целом отражает состояние современного общества. Подмена ценностей произошла, а их столкновение на уровне восприятия различных категорий респондентов неизбежна как в силу их различных возрастных особенностей, воспитания (образования), так и в силу переданных последующим поколениям морально-нравственных установок.

В основе ценностного аспекта лежит симбиоз ценностей, идей и концепт, который формирует идеологию [16, с. 89]. Поэтому востребованность в единой идеологии, препятствовавшей бы формированию стойкой

⁹ Об утверждении Стратегии национальной безопасности РФ. Пункт 6 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02 июля 2021 № 400 // СПС КонсультантПлюс.

преступной направленности личности и криминализации взглядов, мировоззрения и в целом устоев общества, остра и неизбежна. Попытки идеологизировать социум единой позитивной направленностью пока еще слабы, будь то объединение молодежи в виде добровольного российского детско-юношеского движения «Юнармия» или утверждение «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей»¹⁰, так как не имеют общей всеобъемлющей направленности и охвата интересов преобладающего большинства членов общества. Идеология противодействия преступности формируется на протяжении длительного времени, обеспеченная последовательными, повсеместными, непрерывными мероприятиями начиная от воспитания личности до разработки правовой основы, где обязательное присутствие единой идеи декриминализации общества, что на сегодняшний день, к сожалению, происходит в виде «точечных» мер социального, правового, экономического характера, а это в свою очередь актуализирует необходимость систематизации многочисленных

федеральных, региональных, ведомственных актов, предупредив тем самым «косметическую» правку содержания средств воздействия на преступность [17, с. 3].

Это непременно обеспечит своевременность законодательного и иного нормативно-правового обеспечения национальной безопасности государства в целом [18, с. 36]. Уголовно-правовое воздействие как целенаправленная специальная государственная деятельность, осуществляется в порядке реакции государства на преступное поведение [19]. При этом усилением репрессий (масштабной угрозой силой) заведомо мы обречены на повышение социальной напряженности, отчуждение и разобщение государства и общества [20, с. 254]. Поэтому усиление идеологической основы противодействия криминализации личности предпочтительна в силу ее высокой превентивности.

Таким образом, трансформация личности лишь тогда будет происходить с позитивным вектором, когда государство и общество идейно трансформируются в едином направлении, началом чему может быть положено разработкой концептуальных основ противодействия преступности, объединив уже существующие, но разрозненные, выделенные по отдельным и только некоторым видам преступлений.

¹⁰ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 09 нояб. 2022 г. № 809 // СПС КонсультантПлюс.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бавсун М.В. Четвертая промышленная революция как триумф доминирования технологических императивов в современном обществе / М.В. Бавсун. — EDN ECVJNP // Байкальские компаративистские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 17 марта 2023 г. / отв. ред. И.А. Минникес. — Иркутск, 2023. — С. 214–219.
2. Zargar Y. Socio-political Perfectionism: A Cross-cultural Study / Y. Zargar, F. Sarani. — DOI org/10.22034/JMP.2022.324954.1026 // Journal of Modern Psychology. — 2021. — No. 1 (4). — P. 9–21.
3. Общественное мнение и преступление / Г.Х. Ефремова, Г.Ш. Лежава, А.Р. Ратинов, Т.Г. Шавгулидзе. — Тбилиси : Мецниереба, 1984. — 299 с.
4. Бавсун М.В. Влияние идеологии на формирование уголовной политики государства / М.В. Бавсун. — EDN PUWZMZ // Научный вестник Уральской академии государственной службы. — 2012. — № 1. — С. 8–18.
5. Бавсун М.В. Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства / М.В. Бавсун. — DOI 10.17150/1996-7756.2015.9(3).483-493. — EDN UIUENJ // Всероссийский криминологический журнал. — 2015. — Т. 9, № 3. — С. 483–493.
6. Колонотаев К. Штрафники времен первой обороны Севастополя / К. Колонотаев // LiveJournal. — URL: <https://warhistory.livejournal.com/2648479.html>.
7. Магомед-Эминов М.Ш. Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности : автореф. дисс. ... д-ра псих. наук : 19.00.01 / М.Ш. Магомед-Эминов. — Москва, 2009. — 53 с.
8. Казаков А.А. Отношение российской молодежи к СВО: роль медийного сопровождения государственной политики / А.А. Казаков. — DOI 10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467. — EDN VRKDZI // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. — 2022. — Т. 22, № 4. — С. 460–467.
9. Марикиан М. Из «авторитета» в пастыри: исповедь монаха, пономоря и священника / М. Марикиан // РИА новости. — URL: <https://ria.ru/20220121/religiya-1768739428.html>.
10. Стебенева Е.В. Сотрудник органов внутренних дел как специальный субъект коррупционных преступлений: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.В. Стебенева. — Санкт-Петербург, 2011. — 220 с.
11. Kammigan I. Reflecting on the Interaction of Self-Control and Morality in Situational Action Theory: Comparing Absolute and Relative Effects of Self-control in 28 Countries / I. Kammigan // Journal of Quantitative Criminology. — 2023. — No. 39. — P. 465–493.

12. Walter M. Die Frage nach der Rechtskultur als Brücke zwischen Kriminologie und Strafrecht / M. Walter // *Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik*. — 2011. — No. 7. — P. 629–635.
13. Puppe I. Vom Naturalismus zum Normativismus, von der Systematik zur Topik Der Niedergang der deutschen Strafrechtswissenschaft vom Allgemeinen Teil / I. Puppe // *Zeitschrift für Internationale*. — 2020. — No. 4. — P. 143–150.
14. State and Law: Transformation Vectors in Modern Conditions / N.S. Nizhnik, M.V. Bavsun, Ya.L. Aliev [et al.]. — EDN ODEV LW // *Law and Order in the Third Millennium : SHS Web of Conferences : IX Baltic Legal Forum, Kaliningrad, 11 дек. 2020 г.* — Kaliningrad, 2021. — Vol. 108. — P. 01015.
15. Бабаев М.М. Преступность и судебно-уголовная политика / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. — DOI 10.12737/jrl.2021.145. — EDN VHUEJZ // *Журнал российского права*. — 2021. — Т. 25, № 12. — С. 26–40.
16. Городнова О.Н. Структура правовой идеологии / О.Н. Городнова. — EDN KFFKYS // *Вестник Российского университета кооперации*. — 2022. — № 4 (50). — С. 88–93.
17. Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / М.В. Бавсун. — Омск, 2013. — 39 с.
18. Босхолов С.С. Национальная безопасность России: теоретико-правовой и прикладной аспекты / С.С. Босхолов. — Москва : Проспект, 2023. — 456 с. — EDN MYSKVS.
19. Дуюнов В.К. Цели государственной политики в сфере противодействия преступности / В.К. Дуюнов. — DOI 10.31618/ESU.2413-9335.2021.1.88.1417. — EDN VFYIXM // *Евразийский Союз ученых. Сер.: Экономические и юридические науки*. — 2021. — № 7 (88). — С. 22–30.
20. Пудовочкин Ю.Е. Приоритеты в современной уголовной политике / Ю.Е. Пудовочкин, М.М. Бабаев. — EDN BAVB-TY // *Второй Ярославский юридический форум : сб. ст.* — Ярославль, 2023. — С. 241–255.

REFERENCES

1. Bavsun M.V. The Fourth Industrial Revolution as a Triumph the Domination of Technological Imperatives in Modern Society. In Minnikes I.A. (ed.). *Baikal Comparativist Readings. Materials of International Scientific Conference, Irkutsk, March 17, 2023*. Irkutsk, 2023, pp. 214–219. (In Russian).
2. Zargar Y., Sarani F. Socio-political Perfectionism: A Cross-cultural Study. *Journal of Modern Psychology*, 2021, no. 1, pp. 9–21. DOI: org/10.22034/JMP.2022.324954.102.
3. Efremova G.Kh., Lezhava G.Sh., Ratinov A.R., Shavgulidze T.G. *Public Opinion and Crime*. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1984. 299 p.
4. Bavsun M.V. The Influence of Ideology on the Formation of Criminal State Policy. *Nauchnyi vestnik Ural'skoi akademii gosudarstvennoi sluzhby = Scientific Bulletin of the Ural Academy of Public Service*, 2012, no. 1, pp. 8–18. (In Russian). EDN: PUWZMZ.
5. Bavsun M.V. The Impact of Geopolitical Factors on Changes in the State Criminal Law Policy. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2015, vol. 9, no. 3, pp. 483–493. (In Russian). EDN: UIUENJ. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).483-493.
6. Kolonotaev K. Penal Battalion Soldiers of the First Defence of Sevastopol. *LiveJournal*. URL: <https://warhistory.livejournal.com/2648479.html>. (In Russian).
7. Magomed-Eminov M.Sh. *Activity-meaning Approach to the Psychological Transformation of Personality. Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2009. 53 p.
8. Kazakov A.A. The Attitude of Russian Youth to the Special Military Operation: the Role of Media Support of State Policy. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 460–467. (In Russian). EDN: VRKDZL. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467.
9. Marikyan M. From an "Authoritative" Person to a Priest: a Confession of a Monk, a Sacrist and a Priest *RIA novosti*. URL: <https://ria.ru/20220121/religiya-1768739428.html>. (In Russian).
10. Stebeneva E.V. *Internal Affairs Agency Employee as a Special Subject of Crimes of Corruption. Cand. Diss.* Saint Petersburg, 2011. 220 p.
11. Kammigan I. Reflecting on the Interaction of Self-Control and Morality in Situational Action Theory: Comparing Absolute and Relative Effects of Self-control in 28 Countries. *Journal of Quantitative Criminology*, 2023, no. 39, pp. 465–493.
12. Walter M. Die Frage nach der Rechtskultur als Brücke zwischen Kriminologie und Strafrecht. *Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik*, 2011, no. 7, pp. 629–635.
13. Puppe I. Vom Naturalismus zum Normativismus, von der Systematik zur Topik Der Niedergang der deutschen Strafrechtswissenschaft vom Allgemeinen Teil. *Zeitschrift für Internationale*, 2020, no. 4, pp. 143–150.
14. Nizhnik N.S., Bavsun M.V., Aliev Ya.L., Astafichev P.A., Kvitchuk A.S. State and Law: Transformation Vectors in Modern Conditions. *Law and Order in the Third Millennium : SHS Web of Conferences : IX Baltic Legal Forum, Kaliningrad, December 11, 2020*. Kaliningrad, 2021, vol. 108. pp. 01015. EDN: ODEV LW.
15. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. Criminality and Criminal Justice Policy. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2021, vol. 25, no. 12, pp. 26–40. (In Russian). EDN: VHUEJZ. DOI: 10.12737/jrl.2021.145.
16. Gorodnova O.N. Structure of Legal Ideology. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii = Vestnik of the Russian University of Cooperation*, 2022, no. 4, pp. 88–93. (In Russian). EDN: KFFKYS.
17. Bavsun M.V. *Criminal Law Impact: Ideology, Goals and Means of Implementation. Doct. Diss. Thesis*. Omsk, 2013. 39 p.
18. Boskholov S.S. *National Security of Russia: Theoretical-legal and Applied Aspects*. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 456 p.
19. Dyunov V.K. State Policy Objectives in the Field of Combating Crime. *Evrasiiskii soyuz uchenykh = Eurasian Union of Scientists*, 2021, no. 7, pp. 22–30. (In Russian). EDN: VFYIXM. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.1.88.1417.
20. Pudovochkin Yu.E., Babaev M.M. Priorities in Modern Criminal Policy. *The Second Yaroslavl Law Forum. Collected Papers*. Yaroslavl', 2023, pp. 241–255. (In Russian). EDN: BAVBTY.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бавсун Максим Викторович — заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе), доктор юридических наук, профессор, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: kafedramvd@mail.ru.

Стебенева Елена Викторовна — докторант научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: st.el@list.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бавсун М.В. Трансформация личности преступника в постиндустриальном обществе / М.В. Бавсун, Е.В. Стебенева. — DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(4).340-351. — EDN YYWBRI // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17, № 4. — С. 340–351.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bavsun, Maksim V. — Deputy Head for Research, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Saint Petersburg, the Russian Federation; e-mail: kafedramvd@mail.ru.

Stebeneva, Elena V. — Post-doctoral Researcher, Research Department, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Saint Petersburg, the Russian Federation; e-mail: st.el@list.ru.

FOR CITATION

Bavsun M.V., Stebeneva E.V. Transformation of a Criminal Personality in the Post-Industrial Society. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 4, pp. 340–351. (In Russian). EDN: YYWBRI. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(4).340-351.